

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 393–409, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.255

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-393-409

Конволют Кииковых: суфийское знание и письменная культура мусульман Урало-Поволжья в позднеимперской России

Ирина Алексеевна Лебедева^{1,2}, Искандер Расулевич Саитбатталов³,
 Амир Азизович Манцеров^{4,5}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 11, Покровский бульвар, 109028 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

² Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, 125047 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4836-3420. E-mail: [ialebedeva\[at\]hse.ru](mailto:ialebedeva[at]hse.ru)

³ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. 3. Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий специалист

 0000-0002-5948-4666. E-mail: [saitbattalovir\[at\]uust.ru](mailto:saitbattalovir[at]uust.ru)

⁴ Фонд исследований исламской культуры им. Ибн Сины (д. 66, стр. 1, ул. Профсоюзная, 117393 Москва, Российская Федерация)

специалист

⁵ Тегеранский университет (д. 16, ул. Азар, Энгелаб просп., 11369 Тегеран, Иран)

магистрант

 0000-0002-5227-7226. E-mail: [amirmantserev\[at\]gmail.com](mailto:amirmantserev[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Лебедева И. А., Саитбатталов И. Р., Манцеров А. А., 2025

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено довольно специфическому для мусульманской книжной культуры Урало-Поволжья источнику. Он представляет собой конволют, основными составителями и авторами которого были отец и сын Кииковы — суфийские наставники тариката Накшбандийя-Муджаддийя, историографы и писатели, которые жили на севере современной Республики Башкортостан в конце XIX – начале XX вв. *Цель* статьи — дать ха-

рактеристику конволюта Кииковых как источника. *Результаты.* В статье проводятся общее и археографическое описание памятника, анализ его структуры и содержания, а также обзор ключевых тем. Авторы делают *вывод* о том, что конволют представляет собой важный памятник письменной и книжной культуры мусульман и может быть описан как единый источник. Он расширяет существующие представления о книжной культуре мусульман Урало-Поволжья на рубеже XIX–XX вв., вообще, и о традиции передачи суфийского знания в этот период. Отраженные в источнике широта и разнообразие культурных связей Кииковых с центрами мусульманской учености в Османской империи, Хиджазе, Средней Азии и Индии позволяют поставить под сомнение бытующий в современной академической литературе тезис о падении интереса российских мусульман к суфизму в этот период.

Ключевые слова: мусульманские источники, суфизм, Урало-Поволжье, рукописи, ислам, мусульманская культура, ислам в России

Благодарность: Работа поддержана проектом «Трансграничный мир мусульманской учености в пространстве Евразии», выполненным в рамках программы исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024–2025 гг. Авторы выражают благодарность коллегам Т. А. Аникеевой и И. В. Зайцеву, ценные советы которых пригодились при подготовке рукописи статьи.

Для цитирования: Лебедева И. А., Сaitbattalov И. Р., Манцеров А. А. Конволют Кииковых: суфийское знание и письменная культура мусульман Урало-Поволжья в позднеимперской России // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 393–409. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-393-409

The Kiyikov Convolute: Sufi Knowledge and Written Culture of Muslims in the Ural-Volga Region of Late Imperial Russia

Irina A. Lebedeva^{1,2}, Iskander R. Saitbattalov³, Amir A. Mantseriev^{4,5}

¹ HSE University (11, Pokrovsky Blvd., 109028 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

² Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4836-3420. E-mail: ialebedeva[at]hse.ru

³ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist

 0000-0002-5948-4666. E-mail: saibtattalovir[at]uust.ru

⁴ Ibn Sina Foundation for the Study of Islamic Culture (Bldg. 1, 66, Profsoyuznaya St., 117393 Moscow, Russian Federation)

Specialist

⁵ University of Tehran (16, Azar Street, Enghlab Ave., 11369 Tehran, Islamic Republic of Iran)

MA student

 0000-0002-5227-7226. E-mail: amirmantseriev[at]gmail.com

Abstract. Introduction. The study focuses on a rather unique source within the Muslim book culture of the Ural-Volga Region. It is a convolute primarily compiled and authored by the Kiyikovs, father

and son, who were Sufi mentors of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya, historiographers and writers. They lived in the north of present-day Bashkortostan in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Goals.* The article attempts a general and archaeographic description of the manuscript, analyzes its structure and content, and provides an overview of its key themes. *Results.* The paper resumes the compendium be an important artifact of Muslim written and book culture, and can be described as a unified source. It expands the existing understanding of the late nineteenth and early twentieth century book culture of Volga-Ural Muslims, and specifically the tradition of Sufi knowledge transmission during this period. The breadth and diversity of the Kiyikovs' cultural ties with centers of Muslim scholarship in the Ottoman Empire, Hejaz, Central Asia, and India reflected in the source may serve to rebut the prevailing view in modern academic literature that Russian Muslims' interest in Sufism declined during this period.

Keywords: Muslim sources, Sufism, Ural-Volga Region, manuscripts, Islam, Muslim culture, Islam in Russia

Acknowledgments. The reported study was funded by 2024–2025 HSE University Research Program (Faculty of World Economy and International Affairs), project name ‘Cross-Border World of Muslim Scholarship in Eurasian Space’. The authors express their gratitude to T. Anikeeva and I. Zaitsev whose valuable advice has proved helpful in preparing the article manuscript.

For citation: Lebedeva I. A., Saitbattalov I. R., Mantserov A. A. The Kiyikov Convolute: Sufi Knowledge and Written Culture of Muslims in the Ural-Volga Region of Late Imperial Russia. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 393–409. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-393-409

1. Введение

Источник, которому посвящена настоящая статья, представляет памятник мусульманской книжной культуры рубежа XIX–XX вв., сформированный отцом и сыном Кииковыми — известными в регионе суфийскими деятелями из суфийского ордена Накшбандиййа-Муджадидиййа. Непрерывная судьба конволюта прослеживается примерно до 1925 г. В наше время источник был вновь обретен и возвращен на место своего происхождения — в Татышлинский район Республики Башкортостан. Сегодня он хранится в мечети-музее имени одного из своих создателей в селе Старочукурово. Это редкий случай того, когда памятник мусульманской книжной культуры попал не в государственный архив, а туда, где когда-то был создан.

Источники, поступившие на хранение в государственные архивы, чаще всего описываются не как единое целое, а по единицам, которые распределяются по отдельным языкам и жанрам. Такой способ работы предполагает, прежде всего, археографическое описание источника, т. е., по сути, указание на его общие характеристики. Это делает удобным учет и хранение источника в архивной системе и облегчает исследова-

телям дальнейший анализ его содержания: сопоставление с другими источниками, а также определение места того или иного сочинения в историко-культурном наследии региона, где источник был обнаружен и пр. Вместе с тем при таком способе организации хранения источников практически невозможно восстановить историю формирования и бытования конкретной коллекции, а также замысел ее составителя и / или хранителя.

В последние годы все чаще публикуются исследования частных и примечательных коллекций мусульманских источников, которые ученые находят в регионах Российской Федерации и которые продолжают храниться в местах своего обнаружения. Исследования таких коллекций, хранящихся в естественной среде, дополняют существующие представления о разнообразии жанров, языков и типов материалов, бытовавших некогда среди мусульман [Аниеева, Чмилевская 2022; Салихов 2021] и восполняют ряд пробелов в истории позднеимперского и раннесоветского ислама [Bustanov 2018; Шихалиев 2020]. Анализ наиболее полных из таких коллекций также позволяет раскрыть для современников мир субъективности мусульман-составителей, комментаторов, храните-

лей и распространителей подобного рода источников [Bustanov, Shikhaliev 2023].

В последние десятилетия авторские рукописи и авторские коллекции мусульманских источников в основном описываются на примере дагестанских материалов. Редкими исключениями являются работы Р. М. Булгакова [Булгаков 2008] и А. К. Бустанова [Бустанов 2019]. В Урало-Поволжье формирование рукописных собраний европейского типа в библиотеках и исследовательских институтах происходило относительно рано. На протяжении всего советского и постсоветского времени археографы активно приобретали, консервировали и классифицировали достаточно большое количество источников. Чаще всего это происходило без учета изначальной среды их бытования [Галаяутдинов 2016: 81]. Как правило, факт существования личных и примечательных коллекций и приобретения их для исследовательских институтов в публикациях советских и постсоветских археографов отмечается как данность, без проблематизации [Фатхи 1968: 7–8; Галаяутдинов, Булгаков 2009: 14–30; Аккубеков 2009: 9–10]. Развернутые описания отдельных рукописей, обнаруженных в Урало-Поволжье, публикуются нечасто [Булгаков 2017; Саитбатталов 2024].

Исследуемый конвюлот, попав в руки авторов статьи, не случайно обратил на себя их внимание. В его структуре были обнаружены, в том числе, рукописные источники урало-поволжского происхождения, в которых уже при беглом знакомстве прослеживался определенный авторский замысел. Примечательно было и то, что спустя почти век он вернулся на основное место своего происхождения и стал важной частью музейного собрания, организованного в месте памяти его авторов.

2. Материалы и методы исследования

Особенностью источника является то, что он сшит из нескольких авторских рукописных сочинений, фрагментов печатных изданий, писем и документов. Это конвюлот, который может описываться и как часть некогда единой коллекции, и даже как небольшой архив внутри нее. Мы рассмат-

риваем его, прежде всего, как текст, раскрывающий некоторые ранее не акцентированные или малоизвестные фрагменты не только истории жизни семьи суфийских наставников Кииковых, но и — шире — истории мусульманской культуры Урало-Поволжья. Его содержание и мотивы создания анализируются, прежде всего, через биографию основных авторов и составителей. Это позволяет подчеркнуть ценность данного памятника как источника для более широких исследований и осмысления дореволюционной книжной культуры мусульман этой части России, а кроме того, увидеть, какое потенциальное значение он обретает для современных паломников к местам памяти семьи Кииковых.

Несмотря на то, что конвюлот, по сути, представляет собой собрание нескольких источников, мы рассматриваем его, прежде всего, как единый объект — по причинам, о которых сказано ниже. Таким образом, он описывается как самостоятельный археографический объект и исторический источник. Его общее описание представлено в следующем разделе.

Поскольку владельцами коллекции и, как мы покажем ниже, авторами и составителями анализируемого источника были конкретные исторические личности, привлекался прежде всего историко-биографический метод, при помощи которого было подробнее проанализировано авторское начало в судьбе этого сборника. Через ключевые события из жизни составителей источника раскрывались возможные мотивы составителей источника при выстраивании его внутренней структуры и содержания, а также цель создания самого памятника.

3. Общее описание источника

Источник представляет собой конвюлот — собрание сшитых фабричными нитками рукописных и печатных (литографированных) фрагментов, а также целостных произведений разных жанров, написанных или напечатанных на бумаге разного формата, и графических рисунков. Формат листов в источнике варьируется от 22 x 17 см (основной объем) до 7 x 5 см (вложенные документы). Общее количество листов — 326.

Бумага разного происхождения: российского и восточного. Переплет отсутствует. Вместо него используется стопка сложенных в несколько раз советских газет разного времени. Состояние конволюта в целом хорошее.

В 2015 г. источник приобрел у частных владельцев в с. Старый Курдым (Татышлинский район Республики Башкортостан) Бахтигарей Арманшин — имам-хатиб мечети-музея им. Гали Сокроя¹ (с. Старочукурово того же района республики). Музей учрежден в честь Мухаммада-Али Чукури (1826–1889) — суфийского наставника, интеллектуала и писателя, жившего здесь в середине XIX в. Это один из основных авторов исследуемого конволюта (см. ниже). В мечети конволют сейчас и хранится. Памятник был оцифрован в 2015 г. сотрудниками Башкирского государственного университета. Примечательная коллекция источников пока не инвентаризирована, поэтому исследуемому источнику был присвоен шифр ГС-Р-1 (Музей Гали Сокроя, рукопись № 1).

Текст источника начинается на Л. 1 (практически угас) и заканчивается на Л. 326. Оборот последнего листа не заполнен. Авторство рукописных фрагментов устанавливалось по почерку — методом сопоставительного анализа, который показал, что одним из основных авторов и переписчиков рукописной части конволюта является Арифилла Кииков (1861–1918) — сын Мухаммада-Али Чукури. Подавляющее большинство фрагментов переписано рукой Арифиллы, адресовано ему либо отражает разные стороны его деятельности, в том числе в качестве биографа и распорядителя творческого наследия отца. Мухаммад-Али Чукури — второй основной автор и переписчик рукописных фрагментов конволюта. Среди авторов писем, составляющих часть конволюта, есть и другие известные в Урало-Поволжье мусульманские интеллектуалы, писатели и ученые, а также внешние по отношению к региону адресанты Арифиллы.

Фрагменты конволюта составлены или написаны в разное время конца XIX — начала XX вв., т. е. в годы жизни Мухаммада-

Али Чукури и Арифиллы Киикова (для краткости в дальнейшем они называются Кииковыми). Полное отсутствие владельческих надписей и других следов использования после 1918 г. позволяют считать этот год верхней границей формирования конволюта, а Арифиллу Киикова — его последним составителем.

География создания рукописной части конволюта в основном совпадает с местами жизни и маршрутами путешествий его основных составителей — отца и сына Кииковых. Это, во-первых, села Старочукурово и Старый Курдым, где жили и работали Кииковы. Во-вторых, Мензелинский уезд Уфимской губернии (ныне восточные районы Республики Татарстан), где учился Арифилла, и где родилась и выросла его мать Марфуга Зялалетдинова. В-третьих, Санкт-Петербург, где в местных типографиях Кииковы публиковали некоторые свои произведения. В-четвертых, Хиджаз — регион на западе Аравийского полуострова, где находятся священные для мусульман города Мекка и Медина и проживали духовные наставники обоих Кииковых. Наконец, автор одного из писем писал Арифилле из города Кустанай. Литография, составляющая около 43 % объема конволюта, издана 1864 г. в Дели, а два документа напечатаны в Стамбуле.

Источник составлен на четырех языках. В основном это персидский, арабский и разные варианты тюрки — общего литературного языка тюркских народов, исповедующих ислам. Четвертый язык источника — русский — употребляется во фрагментах писем. В рукописной и печатной частях конволюта использовались три основных почерка арабского алфавита: *наسخ*, *рук'а* и *наста'лик*. Они нанесены на бумагу темными и красными чернилами (последними выделяются иногда заголовки фрагментов).

На арабском языке переданы цитаты из мусульманских первоисточников, стихи доисламских поэтов, а также средневековых ученых-представителей мусульманского мистицизма IX–XIII вв. и нескольких авторов более позднего периода. На этом языке написаны и фрагменты, принадлежащие перу самих авторов этого источника. По-пер-

¹ Вариант написания имени Мухаммада-Али Чукури в башкирской историографии.

сидски чаще всего цитируются работы авторов пост-монгольского периода, когда центры мусульманской учености постепенно перемещались из арабского в персоязычный (англ. *Persianate*) мир, а также бейты классиков персидской поэзии. Некоторые фрагменты на фарси содержат в себе арабские вставки — цитаты из авторитетных текстов ислама. Тюркоязычные фрагменты источника — это стихи и проза Кииковых, письма от разных людей и выписки из них, отрывки из стихов османских поэтов, краткие заметки бытовой и обрядовой тематики.

Таким образом, конволют ГС-Р-1 представляет собой сложно структурированный источник, объединяющий фрагменты текстов разных видов и жанров и составленный на нескольких языках. Далее мы покажем, что, помимо физического единства этих текстов, собранных некогда под общей обложкой, есть основания считать данный конволют единым источником и описывать его как таковой.

4. Кииковы — основные авторы конволюта

Мухаммад-Али Чукури (1826–1889) и его сын Арифилла (1861–1918) принадлежали роду Кииковых, представители которого с середины XVIII в. возглавляли башкирский клан Иректы. Об этой семье, их роде и клане уже написано немало [История башкирских родов 2015: 14–104; Кииков 2011: 3–16; Чукури, Басарави 2021: 5–55]. Мы обратимся лишь к отдельным штрихам их биографий, которые позволяют лучше понять их замысел как составителей исследуемого конволюта.

Мухаммад-Али был весьма разносторонней личностью. В Урало-Поволжье он известен не только как литератор, историкограф и переписчик книг, но и как один из ведущих наставников суфийского братства Накшбандиййа-Муджадидиййа.

Он родился в небогатой, но в благородной по происхождению семье. Его отец служил имамом мечети в селе Чукур. Несмотря на скромный достаток, он был образованным мусульманином и прошел обучение у нескольких суфийских наставников. По его стопам пошли и сыновья. С восьми лет до

21 года Мухаммад-Али учился последовательно в шести медресе, которые располагались на территории современных Башкортостана, Татарстана и Пермского края. За это время он в совершенстве освоил классические для мусульманского образования того времени дисциплины — каллиграфию, мусульманское ханафитское право, корановедение и хадисоведение, а также изучил арабский и персидский языки.

В эти годы он также вступил в суфийское братство Накшбандиййа (основано в XIV в. бухарским мистиком Баха ад-Дином Накшбандом) и активно посещал разных наставников этого братства, проживавших в Башкирии. Среди его учителей были выходцы из Урало-Поволжья, получившие образование в Бухаре, и уроженцы Средней Азии, переехавшие жить в Россию. Бухарский эмират и соседнее Кокандское ханство были в то время одними из центров классического мусульманского образования и суфийского знания, основным языком которого считался персидский. Воспринятые от среднеазиатских мусульманских ученых знания Мухаммад-Али Чукури прививал в дальнейшем и своим сыновьям, а также ученикам.

В зрелом возрасте он четырежды (в 1872, 1879, 1880, 1885 гг.) совершил паломничество в Мекку. В свой первый приезд в священный город ислама Мухаммад-Али познакомился с эмигрантом из Индии Мухаммадом-Мазхаром ал-Мадани. Это был прямой потомок Ахмада Сирхинди — авторитетнейшего деятеля братства Накшбандиййа, который на рубеже XVI–XVII вв. основал ветвь братства под названием Муджадидиййа.

Интеллектуальным стержнем этого ответвления является теолого-философская доктрина «единства свидетельства» (ар. *вахдат аш-шухуд*). Она гласит, что все сущее своим бытием свидетельствует о единстве бога-творца. Отличительной особенностью последователей этого тариката является повышенная строгость в следовании нормативным предписаниям ислама [Chittick 2012: 39], а также практика так называемого «тихого зикра», которую разделяли не все суфии. Эта практика, а точнее ее

защита, станет одной из основных полемических тем в работах Мухаммада-Али Чукури и его сына.

Ал-Мадани стал главным суфийским учителем для Мухаммада-Али, через которого тот получил разрешение на собственное наставничество (ар. *иджаза*). Это выгодно выделяло Киикова-старшего среди остальных урало-поволжских суфиев, иджазы которых восходили к Сирхинди не через его потомков, а через шейхов из Средней Азии [Саитбатталов 2018: 41]. Таким образом, Кииков-старший стал важным звеном в цепи (ар. *силсила*) суфийского наставничества в братстве Накшбандиййа-Муджадидиййа вообще и его региональной сети в Урало-Поволжье в частности. В 1893 г. в Мекке получил иджазу и Арифилла — у преемника Мухаммада-Мазхара по имени Ибрахим б. Али ал-Газнави.

Согласно собственным трудам Мухаммада-Али и агиографическому сочинению Арифиллы, недоброжелатели выражали сомнение в том, что ал-Мадани дал Чукури разрешение на наставничество [Чукури, Басарави 2021: 99–101; Кииков 2019: 52]. Арифилла прилагал большие усилия, чтобы опровергнуть эти слухи [Кииков 2019: 106]. Во время паломничества в 1893 г. в Мекку он приобрел ряд документов и предметов, призванных подчеркнуть отцовскую и собственную легитимность как суфийских шейхов. Часть из них, включенная Арифиллой в конволют (см. ниже), подчеркивает непосредственную связь между Кииковыми и потомками Сирхинди, а также другими важными деятелями тариката Накшбандиййа-Муджадидиййа.

С середины XIX в. и до конца жизни Мухаммад-Али учительствовал в родной деревне и служил сельским имамом. К Киикову-старшему приходили люди, признававшие в нем авторитетного суфийского наставника — мюриды. Особым местом, где он встречался со своими учениками, стала пасека примерно в километре от современного с. Старый Курдым. Здесь начинающие суфии молились и радели со своим шейхом, а также воспринимали от него знания [Кемпер 2008: 506–508].

Интеллектуальная атмосфера таких встреч способствовала творчеству. Мухаммад-Али был известен не только как наставник, но и писатель, а также поэт. При жизни было опубликовано девять его сочинений, восемь из которых представляли собой сборники одической поэзии [Чукури, Басарави 2021: 29–36]. Некоторые свои произведения он составлял в дидактических целях для учеников. Анализируемый нами конволют содержит, в частности, авторские сочинения Кииковых.

Хотя по масштабу и разностороннему характеру деятельности Арифилла Кииков (1861–1918) не уступает отцу, биографические сведения о нем более скупы, и современные исследователи могут лишь определить основные вехи его жизненного пути. Свое начальное образование он получил на родине матери в с. Шигаево (ныне Сармановский район Татарстана), затем обучался в медресе при Апанаевской мечети в Казани и в г. Касимове Рязанской губернии. В 1884–1889 гг. Арифилла проходил службу в армии и приобрел квалификацию военного фельдшера.

Спустя 11 лет после смерти отца Арифилла опубликовал его житие под названием «Айн ар-рида китабы». Эта работа Арифиллы стала ключевым источником по истории жизни Мухаммада-Али. По мнению М. Кемпера, образ, в котором Мухаммад-Али Чукури предстает в этом сочинении, и описанные в нем обстоятельства жизни выглядят «довольно близкими к реальности» и «правдоподобными» [Кемпер 2008: 497], с чем согласны авторы настоящего исследования.

С 1891 г. Арифилла работал имам-хатибом в селе Курдым (примерно в 25 км от Чукура), преподавал в медресе и собирал по соседним селам рукописи и другие предметы старины. Он стал также хранителем части библиотеки мусульманских рукописей и книг, которая принадлежала Мухаммаду-Али. Другая часть досталась брату Ахунджану (1858–1936), который до начала 30-х гг. XX в. служил в Старочукурове [Саитбатталов 2024: 456]. Как мы предполагаем, Арифилла начал формировать

конволют после смерти отца и завершил это до своей смерти в 1918 г.

В начале XX в. он составлял агиографические и историографические сочинения (они транскрибированы башкирской кириллицей и опубликованы [Кииков 2011; Кииков 2019]), публиковался в журнале «Шура», внедрил в своем медресе новый метод обучения (ар. *усул джадид*), дискуссия о применимости которого стала линией разделения внутри мусульманских интеллектуальных кругов в начале XX в. Как и отец, Арифилла занимался воспитанием мюридов, продолжая линию духовной преемственности братства Накшбандийа-Муджаддийа. После его трагической гибели от рук красноармейцев книги и рукописи, хранимые Арифиллой, перешли во владение его сына Ахнафа. Он является последним точно установленным владельцем конволюта. Разные части коллекции мусульманских источников Кииковых в советское время оказались в Санкт-Петербурге, Уфе и Казани [Чукури, Басарави 2021: 36–39]. Где именно оказался конволют, не известно.

Итак, Мухаммад-Али Чукури и Арифилла Кииков были не только духовными преемниками Сирхинди, но и наставниками, передававшими суфийское знание своим ученикам в Урало-Поволжье, литераторами, историографами. Их владение языками мусульманской культуры, а также глубокое мусульманское образование, полученное в семье, медресе и через личные контакты с мусульманскими интеллектуалами Евразии, подчеркивают их роль как связующего звена между локальными традициями и трансграничными суфийскими сетями. Эти их качества и статусы отражает и анализируемый нами источник, в частности его структура и содержание. Роль Арифиллы как ключевого биографа его отца также раскрывается в конволюте.

5. Структура источника

В структуру конволюта входят авторские сочинения пера отца и сына Кииковых, переписанные их руками фрагменты сочинений других авторов, фрагменты печатных изданий, письма и документы.

Конволют включает сорок отдельных фрагментов на разных языках. При опи-

сании для каждого указывается характер, язык и общая тематика. Отдельно отмечается факт переписки фрагментов отцом и сыном Кииковыми, почерки которых известны авторам статьи:

1) Л. 1–18об.: рукопись на арабском, персидском и тюркском — компиляция. Почерк Арифиллы;

2) Л. 19–162об.: литография на персидском — сочинение Мухаммада-Мазхара ал-Мадани «Манакиб-и Ахмадийа ва макамат-и Са'идийа» с владельческой печатью и маргиналиями, сделанными рукой Арифиллы;

3) Л. 163–163об.: рукопись на арабском и тюркском — мистическая поэма на арабском «Истигаса файдийа», написанная Мухаммадом-Али, и двуязычное пояснение к ней о том, что текст был сочинен в 1872 г. в Константинополе и переписан рукой Арифиллы;

4) Л. 164–165об.: печатное издание на арабском — *силсила* ордена Накшбандийа, опубликованная в Стамбуле; в третьей строке снизу на Л. 165 в список шейхов от руки внесены имена Ибрахима ал-Газнави и Арифиллы. Текст находится на одном развороте Л. 164об.–165, т. е. изначально фрагмент был предназначен для размещения на стене;

5) Л. 166–166 об.: рукопись на тюрки — записка о необходимости принимать предопределенное богом, иллюстрируемая фрагментом из стихотворения османского поэта Ибрахима Хаккы (1703–1780). Почерк Арифиллы;

6) Л. 167об–168: рукопись на арабском — стихотворение «Манзумат ар-риджал»;

7) Л. 168об.: рукопись на тюрки — стихотворные выдержки из писем некоего Лутфуллаха-эфенди из Д. Шигай¹. Почерк Арифиллы;

8) Л. 169–169об., 173: рукопись — оглавление (*фихрист*) сочинения ал-Мадани (№ 2 в настоящем списке);

9) Л. 170–170об.: рукопись на арабском — цитаты о суфийской науке, представляющие собой выдержки из сочинения

¹ Ныне с. Шигаево Сармановского района Республики Татарстан — родина Марфуги, дочери имама Мавлави Джалал ад-Дина, которая была женой Мухаммада-Али и, соответственно, матерью его сыновей.

Абу Са'ида ал-Хадими «Шарх тарика Мухаммадиййа»;

10) Л. 170–171: печатное издание на арабском — руководство по духовным практикам ордена Накшбандиййа. Шрифт, формат и декор аналогичны № 4 в настоящем описании. Изначально фрагмент был предназначен для размещения на стене;

11) Л. 172–172об.: рукопись на персидском — копия разрешения на наставничество (*иджаза*), выданного мистиком из Восточного Туркестана Аппак Ходжой (XVII в.) некоему Абд ал-Алламу б. Мустафе;

12) Л. 173об.–180: рукопись на арабском — восхваление в прозе и элегия на смерть (*марсийа*) Мухаммада-Мазхару ал-Мадани, написанное Арифиллой;

13) Л. 180об.: рукопись на тюрки и арабском — рецепт мази от боли, два хадиса с текстами молитвенных обращений к богу;

13) Л. 181–181об.: рукопись — арабское письмо Ибрахима ал-Газнави некоему Ахмаду Али от 12 мая 1895 г.;

14) Л. 182: рукопись на арабском и тюрки — описание молитв, способствующих избавлению от долгов;

15) Л. 183: рукопись на арабском и тюрки — перевод хадиса о бедности на тюркский язык, хадис на арабском;

16) Л. 183об.: рукопись на арабском и персидском — начало сочинения Садр ад-Дина Мухаммада ар-Раваси ал-Акаши по ритуальной практике мистицизма;

17) Л. 184–184об.: рукопись на тюрки — дневниковые записи Арифиллы за апрель неизвестного года;

18) Л. 185–185об.: рукопись на тюрки — газель о пользе нового способа обучения в медресе;

19) Л. 186–186об.: рукопись на персидском — другой фрагмент сочинения ал-Акаши (см. № 16);

20) Л. 187: рукопись на арабском — разъяснение значений семи из прекрасных имен бога;

21) Л. 188–188об.: рукопись на арабском, персидском и тюркском — фрагмент (введение) сочинения «Си-у са аят-и кур'аниййа — хасийатиш мазкур аст дар китаб манакиб-и Ахмадиййа Мазхариййа»; арабский и персидский текст, вероятно, представляет

собой выдержки из сочинения № 3 настоящего списка, тюркский — комментарии Арифиллы;

22) Л. 189, 191–196: рукопись на арабском — семь писем Ибрахима ал-Газнави Арифилле, написанные между 1893 г. и 1903 г.;

23) Л. 190–190об.: рукопись на тюрки — стихотворение и описание молитвы с просьбой о помощи (*истихара*);

24) Л. 197–257об.: рукопись на арабском — трактат Абд ал-Кадира ал-Арбили «Манакиб саййиди Абд ал-Кадир ал-Джилани» с владельческой печатью Арифиллы;

25) Л. 258: рукопись на персидском и тюрки — выписки из письма некоего Ахмад-Латифа ал-Минзалави;

26) Л. 258об.–259об.: рукопись на арабском — сочинение Мухаммада-Али о поминании бога после молитвы;

27) Л. 260–262об.: рукопись на арабском, персидском и тюрки — сочинение «Си-у са аят-и кур'аниййа...» (полный вариант № 20);

28) Л. 263–290об.: рукопись на арабском — «Рисала маданияййа фи 'илм ат-та-саввуф» Ни'матуллаха ал-Утари;

29) Л. 291об.–298об.: рукопись на арабском — сочинение Ибадуллаха ал-Казвини о состояниях суфия;

30) Л. 299–299об.: рукопись на тюрки — список старцев-покровителей разных видов скота и разных занятий;

31) Л. 300–301: рукопись на тюрки — два письма (от 3 июня 1895 г. и 21 марта 1902 г.) Мурада. Рамзи ал-Минзалави Арифилле;

32) Л. 302–305об.: рукопись на арабском, персидском и тюрки — стихотворные и поэтические цитаты суфийского, дидактического и астрологического содержания;

33) Л. 306–308об.: рукопись на тюрки — молитва (*ду'а*), читаемая после коллективного поминания бога;

34) Л. 309–310: рукопись на тюрки — два дидактических стихотворения Арифиллы Киикова, вероятно, для детей, о правильных названиях букв арабского алфавита с примерами их чтения;

35) Л. 311–314об.: рукопись на арабском — сочинение некоего Ибн Хусайна б.

Факиха Мухаммада о знании и невежестве. Текст занимает Л. 311об–314об.;

36) Л. 315–316: рукопись на тюрки и русском — письмо без даты от Атауллага Валиева Арифилле. Русскоязычный фрагмент находится на л. 316 и представляет собой запись почтового адреса;

37) Л. 317–317об.: рукопись на арабском, персидском и тюрки — цитаты из различных сочинений о почитании шейхов;

38) Л. 318–324об.: рукопись на тюрки, арабском и персидском — три письма Хамидуллаха б. Абд ал-Халида Арифилле;

39) Л. 325–325об.: рукопись на тюрки — руководство по чтению тысячи айатов;

40) Л. 326: рукопись на арабском — молитва.

Таким образом, в структуре конволюта выделяются четыре вида источников: цельные работы (или их части) разных авторов; составленные из фрагментов произведений отдельных авторов компиляции; авторские работы Кииковых и письма, адресованные Арифилле. По какому принципу соединил их составитель? На наш взгляд, перво-степенное значение для него могли иметь, во-первых, авторство этих источников, а во-вторых, отраженные в них темы. Рассмотрим это подробнее.

6. Анализ композиции источника

Конволют открывает компилятивная часть из кратких прозаических и стихотворных фрагментов из разных источников, разъясняющих смысл мистического пути и исламской веры. Они занимают примерно одну пятую часть объема сборника и приводятся в составе разделов № 1, 9, 20, 32, 37 в указанной выше структуре. Эта часть поделена на небольшие пронумерованные главы (ар. *рашха*)¹.

Помимо фрагментов Корана и хадисов, которые легко идентифицировать, а также подписанных работ, в сборнике приводятся и безымянные цитаты. Иногда одни и те же фрагменты могли относиться к разным работам. О том, из каких источников они мог-

¹ Термин *рашха* (ар. ‘капля’) отсылает к биографическому сочинению мусульманского интеллектуала рубежа XV–XVI вв. родом из Хорасана Али Сафи (Ваиза ал-Кашифи) «Рашахат айн ал-хайа».

ли быть взяты, можно судить, опираясь на опубликованные исследователями каталоги арабографичных рукописей, найденных в том числе на постсоветском пространстве [Беляев 1932; Миклухо-Маклай 1961; Персидские и таджикские рукописи 1964; Щеглова, 1 1975; Щеглова, 2 1975; Арабские рукописи 1986]. Содержание каталогов отражает, какие рукописи имели наибольшее распространение среди мусульман Российской империи и, в частности, какие могли быть доступны Кииковым при их жизни.

Всего в частях нашего источника около 60 цитат и фрагментов из внешних работ. Методом сопоставительного анализа с разной долей вероятности определено авторство 43 таких фрагментов.

Более половины цитируемых Кииковыми фрагментов работ, авторство которых удалось установить, в тех или иных списках хранятся сегодня в специализированных архивах и институтах и, скорее всего, были широко доступны и мусульманским интеллектуалам Урало-Поволжья в дореволюционное время и переписывались ими. Среди них — не только общие трактаты по суфизму (ал-Кушайри, ал-Газали и Абд ар-Рахмана Джамии), но и труды накшбандийских наставников (Али ас-Сафи и Ахмада Сирхинди), богословские труды (Ахмад ар-Руми ал-Ханафи, Са‘д ад-Дин ат-Тафтазани, Фахр ад-Дин ар-Рази, Шамс ад-Дин ал-Кухистани), а также произведения персидских (Абдуллах Ансари, Аттар, Руми, Са‘ди), арабских (ал-Мутанаббиди, Абдулла б. Мубарак) и османских (Ибрахим Хаккы, Фигани) поэтов. Все названные авторы входили в круг постоянного чтения среди интеллектуалов Урало-Поволжья (см: [Арабские рукописи 1986; Арсланова 2015]). Самыми часто цитируемыми работами из этой части конволюта являются трактаты накшбандийских наставников — «Благородные послания» Сирхинди (четыре фрагмента на Л. 2об., 6 и 18) и «Капли из родника жизни» Али ас-Сафи (четыре фрагмента на Л. 2, 3об., 4об. и 5об.). Обе работы также имели широкое хождение в Урало-Поволжье, и авторам нашего сборника могли быть доступны в нескольких переписанных версиях.

Стоит отметить, что Арифилла, рукой которого переписана эта часть конволюта,

довольно точно воспроизводил произведения мусульманских классиков. Безупречный стиль письма и практически полное отсутствие орфографических ошибок также говорят в пользу высокого профессионального уровня переписчика и качества его работы.

Хотя это нигде не обозначено специально, в цитируемых в этой части сборника фрагментах все же можно проследить как минимум три основные темы. Первая тема — это отношения человека и бога, а также природа мистической любви — именно с нее начинается конволют. Вторая тема — это поиск истины, истинного знания, веры и суфизма в целом: раскрывающие ее цитаты находим по меньшей мере на 11 листах сборника. Третья тема — отношения учителя и ученика, а также важность следования мистическому пути (ар. *тарика*); различные цитаты на эту тему приводятся как минимум на девяти страницах. Наконец, четвертая тема, которой посвящены фрагменты на Л. 10об., связана с суфийскими ритуалами, и в первую очередь — с поминанием бога (ар. *зикр*). Хотя духовная практика ордена Накшбандийя-Муджадидийя принимала разные формы, в том числе в Урало-Поволжье, предпочтительным считался тихий зикр. Кииковы здесь также защищают именно эту форму суфийских радений.

Значительную часть источника составляют работы разных авторов. Между собой их объединяет, прежде всего, то, что они были связаны с Кииковыми нитью духовной связи внутри суфийской традиции. Вот почему такой большой объем конволюта (вообще и этой части) составляют работы Мухаммада-Мазхара ал-Мадани — непосредственного суфийского наставника Мухаммада-Али Чукури. Работа ал-Мадани выступала для Кииковых и как теоретическое обоснование их собственных воззрений [Кииков 2019: 153–154], и как источник ритуально-практического характера (см. № 21 и 27).

Есть здесь и произведения преемника ал-Мадани — Ибрахима ал-Газнави, а также Ни‘матуллаха ал-Утари — еще одного из

шейхов Муджадидийи; он родился на территории современного Татарстана и скончался в Стамбуле в начале XIX в. Его работа «Рисала маданийя» была в то время своего рода настольной книгой мусульманских мистиков в регионе [Buštanov 2018: 17]. Включены в эту часть и работы авторов, имевших отношение к более ранним периодам деятельности ордена — Садр ад-Дина Мухаммада ар-Раваси ал-Акаши родом из Герата (XV в.) и Ибадуллы ал-Казвини (XVI в.).

Несколько особняком в этом списке стоит сочинение Абд ал-Кадира ал-Арбили — османского богослова XIX в., не связанного напрямую с орденом Накшбандийя. Возможно, Арифилла включил его произведения в конволют под влиянием «духа времени». Во второй половине XIX и начале XX вв. на смену персидскому языку, доминировавшему вместе с арабским в интеллектуальной и образовательной среде мусульман в предыдущий период, постепенно приходят тюркские языки. Османская империя была в то время одним из центров производства мусульманского знания и одним из внешних идейных ориентиров для тюркоязычных интеллектуалов Российской империи.

Тексты, созданные в XIX в. вне урало-поволжского региона, которые были приобретены Кииковыми во время паломничества к святым местам ислама, призваны были отразить в структуре конволюта принадлежность Мухаммада-Али и Арифиллы к конкретному суфийскому братству. Это объясняет также состав и тематику включенных в конволют писем. Так, военный ахунд Санкт-Петербурга Хамидуллах б. Абд ал-Халид (ум. в 1905 г.), переписка Арифиллы с которым началась еще в 80-е гг. XIX в. [Кииков 2011: 71], обсуждал с ним подробности ритуальной практики Накшбандийя (№ 38). Имам из г. Кустаная Атауллах Валиев выражал уважение к Арифилле, признавая в нем авторитетного суфийского шейха (№ 36). Письма Ибрахима ал-Газнави (№ 22), с которым Кииков-младший познакомился во время паломничества 1893 г., — единственный известный к настоящему мо-

менту образец посланий шейха из Хиджаза к духовному преемнику в Российской империи. Анализ и перевод этой части конволюта вполне достойны отдельной публикации.

Один из фрагментов этой части конволюта, впрочем, стоит упомянуть особо, поскольку он имеет отношение к дискуссии вокруг духовной связи Мухаммада-Али Чукури и Мухаммада-Мазхара ал-Мадани. Как было сказано выше, Арифилла верил, что его отец получил иджазу от авторитетного накшбандийского шейха напрямую и собирал доказательства в пользу этого.

Речь идет о письме Мурада Рамзи ал-Минзалави (1858–1934) — интеллектуала, переводчика и историка, который к тому же был родственником Арифиллы по матери. Между 1876 г. и 1914 г. он постоянно проживал в Мекке и, возможно, встречался там с Кииковым-старшим (см. подробнее от нем: [Ахмадуллин 2022]). Ал-Минзалави перевел на арабский язык важные для ордена Накшбандиййа-Муджаддиййа тексты — собрания писем Ахмада Сирхинди (*Мактубат-и шариф*) и биографический трактат Али ас-Сафи «Рашахат ал-хайа».

Вот что он писал Арифилле в первом из двух писем, включенных в конволют (№ 31), в ответ на вопрос о том, почему Мухаммад-Али не упомянут в примечаниях к последнему переводу в качестве преемника Мухаммада-Мазхара: «*О том, что господин ваш батюшка был наместником господина полюса познавших¹ Мухаммада-Мазхара, известий прежде не было, потому он не был сочтен подходящим для упоминания на полях „Рашахат“. Если нам придется еще раз собирать имена преемников нашего господина, даст бог, упомянем*»². Для Арифиллы это письмо служило доказательством духовной преемственности между его отцом и ал-Мадани. Кроме того, оно также

¹ Полюс (ар. *кутб*) — термин мусульманской мистической иерархии, обозначающий наиболее выдающегося мистика.

² В оригинале: *Пәдәрәңез хәзрәтнең хәзрәтемез котб әл-ғарифин Мөхәммәд-Мәзнәр хәзрәтнең хәлифәсе улдыгындан әүүл хәбәрләр улмадыгындан «Рәшәхәт» кәнарында зикер улмайа мыуафик улмамыш. Бер дәһа хәзрәтемезнең хәлифәләре әсамен джәмгә мыуафик улурсак, ин ша' Аллах, зикер идәрәз.* Перевод с тюрки — И. Р. Саитбатталова.

существенно корректирует предположение М. Кемпера о том, что ал-Минзалави «сознательно игнорировал» Чукури [Кемпер 2008: 496].

Отдельное место в структуре конволюта занимают авторские произведения и документы отца и сына Кииковых. Они вшиты в сборник не цельной частью, а отдельными фрагментами в разных частях конволюта. Мухаммад-Али написал поэтические произведения на арабском языке, посвященные мистическим переживаниям (№ 3) и теологическим вопросам (№ 26, 30). Перу Арифиллы принадлежат текст, связанный с его целительской работой (№ 13, 30), а также тексты, отражающие его педагогический опыт (№ 18, 19, 34).

Ритуальная практика, осуществляемая Кииковыми, была описана Арифиллой в специальном трактате [Чукури, Басарави 2021: 37] и в некоторых частях биографии отца [Кииков 2019: 74–75, 83–85, 113–154]. Они содержат многочисленные ссылки и переклички с документами, включенными в конволют, прежде всего с работой ал-Мадани. Компиляция, открывающая сборник (№ 1), включенные в него целые оригинальные (№ 12) и авторские сочинения (№ 24, 28, 29), а также их фрагменты (№ 9), могут отражать процесс и характер формирования Кииковыми собственного метода мистического воспитания учеников (*сулук*), сознательного выстраивания круга специального чтения, способствующего их духовному развитию.

Принцип, в соответствии с которым разнородные элементы конволюта были сшиты именно в таком порядке, можно попытаться отследить, хотя и не до конца. Компилятивная часть, с которой начинается конволют, могла служить своеобразным введением в суфийскую и — шире — мусульманскую культуру знания. Следующая за ней литография сочинения ал-Мадани, очевидно, демонстрировала высокое значение этой фигуры в цепи духовной преемственности Кииковых. Идущая далее мистическая поэма Мухаммада-Али, вероятно по замыслу Арифиллы, должна была дополнительно подсветить символизм прямой духовной связи между шейхом и его преемником. Наконец,

в пятом фрагменте — цепочке духовных наставников ордена Накшбандиййа — упоминается и ключевой составитель конволюта — Кииков-младший. Таким образом, уже пять первых частей конволюта раскрывают возможную цель его составления — подчеркнуть связь урало-поволжских шейхов с глобальной суфийской культурой, а также историей и структурой Накшбандийского тариката.

Что касается следующих частей конволюта, то и они так или иначе вписываются в эту общую логику. В целом цитируемые в сборнике тексты демонстрируют включенность отца и сына Кииковых как в контекст традиционных культурных и религиозных связей Урало-Поволжья со Средней Азией и мусульманской Индией, так и постепенную переориентацию мусульман России на ученость и мистицизм Османской империи и Хиджаза. Основанием для выстраивания новых связей оставалась, однако, принадлежность к суфийскому ордену Накшбандиййа.

7. Заключение

Конволют ГС-Р-1 из собрания мечети-музея имени Гали Сокроя в Татышлинском районе Республики Башкортостан — довольно разносторонний источник.

Прежде всего, будучи непосредственно связанным с судьбой его основных авторов и составителей — отца и сына Кииковых, он показывает, как с историографической точностью и изящно воплощенным интеллектуальным замыслом история отдельной семьи суфийских наставников, живших далеко от центров мусульманской культуры того времени, вписывалась в богатейшую традицию суфийского ислама и глобальную структуру Накшбандийского тариката. Он показывает, как сеть межрегиональных связей мусульманских интеллектуалов выстраивалась не только во время путешествий за знаниями и паломничеств, но и за счет поддержания личных, дружеских и родственных отношений. Космополитичная по своему происхождению суфийская культура была основой и почвой для их формирования и длительного сохранения.

Кииковы были не только духовными преемниками Ахмада Сирхинди, но и на-

ставниками, передававшими суфийское знание ученикам в Урало-Поволжье. Их владение арабским, персидским и тюркским языками, а также глубокое знание культуры ислама, полученное в медресе и через личные контакты с мусульманскими интеллектуалами Евразии, подчеркивает их роль как связующего звена между локальными традициями и трансграничными суфийскими сетями. Эти их качества и роли отражает и анализируемый нами источник, в частности его структура и содержание.

Учитывая статус и разносторонний характер деятельности Кииковых, данный источник может быть рассмотрен и в более широком контексте мусульманской книжной культуры и суфийского знания в Урало-Поволжье в дореволюционной России. Конволют Кииковых показывает, что культурное влияние суфийского мира в Урало-Поволжье не исчерпывалось знанием работ средневековых мусульманских классиков, а носило более широкий и разнообразный характер. Перед нами предстает целый ряд авторитетных фигур и мусульманских ученых, высказывания и фрагменты сочинений которых безупречно воспроизводят Мухаммад-Али и Арифилла. Предметом их интереса и рефлексии становились не только тексты, давно включенные в канон, но и относительно новые произведения, написанные в XIX в.

На примере конволюта Кииковых мы также видим, что суфийские наставники, жившие в Урало-Поволжье, не ограничивались поддержанием традиции, сложившейся в предыдущий период, но и активно осваивали новые тексты, расширяли географию своих мотивированных суфийскими исканиями контактов. Это позволяет поставить под сомнение бытующий в академической литературе тезис об общем падении интереса к суфизму на фоне подъема идей мусульманского реформизма (джадидизма) в Урало-Поволжье в конце XIX – начале XX вв. (см., например: [Puppo, Schmoller 2020; Buṣṭanov et al. 2023: 220]).

Наконец, благодаря той палитре имен, которые Кииковы упоминали в своем конволюте, можно также представить картину того мира идей и символических обра-

зов, которые циркулировали на обширном пространстве от Мекки и Багдада, с одной стороны, до Дели и Герата, с другой, до Самарканда и Бухары, с третьей, а через них, наконец, до Оренбурга, Уфы и Казани. Языки этих идей и символов — персидский,

арабский и тюрки — были общими для мусульманских интеллектуалов Средней Азии и Урало-Поволжья того времени; а образы — сокрытого и явного, наставников и учеников, зеркал — общими для глобальной суфийской культуры.

Сокращения

ар. — арабский.

перс. — персидский.

Литература

Аккубеков 2009 — Аккубеков Р. Ю. Краткое описание материалов археографической экспедиции 2009 г., принятых на хранение в рукописный фонд ИИЯЛ УНЦ РАН // Археографическая экспедиция – 2009: Белокатайский и Кигинский районы Республики Башкортостан: сб. ст. и мат-лов. Уфа: Гилем, 2009. С. 6–16.

Аникеева, Чмилевская 2022 — Аникеева Т. А., Чмилевская И. А. Тюркские рукописи из частных коллекций селения Алхаджикент (Каякентский район, Республика Дагестан) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 899–907.

Арабские рукописи 1986 — Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А.Б. Халидова. Ч. 1–2. М.: Наука, 1986. 526 с.

Арсланова 2015 — Арсланова А. А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Т. II. Казань: Казанск. (Приволжск.) федер. ун-т, 2015. 796 с.

Ахмадуллин 2022 — Ахмадуллин С. З. Мурад Рамзи как историк тюркских народов России. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 220 с.

Беляев 1932 — Беляев В. И. Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР / ред. изд. С. Ф. Ольденбург. Л.: АН СССР, 1932. XVII, 52 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. II.)

Булгаков 2008 — Булгаков Р. М. Краткий обзор тюркских рукописей Ризаэддина бин Фахреддина и его исламоведческих работ советского периода, хранящихся в Научном архиве УНЦ РАН // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Мат-лы III Междунар. симпозиума (г. Уфа,

References

Akkubekov R. Yu. Archaeographic expedition of 2009: A brief description of collected materials at the Institute of History, Language and Literature (Manuscript Dept., USC RAS). In: Akkubekov R. Yu. (ed.) Archaeographic Expedition – 2009: Belokataysky and Kiginsky Districts of Bashkortostan. Collected articles and materials. Ufa: Gilem, 2009. Pp. 6–16. (In Russ.)

Anikeeva T. A., Chmilevskaya I. A. Turkic manuscripts from the private collections of Alhadjickent (The Kayakent District, Dagestan). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. No 4. Pp. 899–907. (In Russ.) DOI: 10.32653/CH184899-907

Khalidov A. B. (ed.) Institute of Oriental Studies [USSR Academy of Sciences]: A Brief Catalogue of Arabic Manuscripts. Pts. 1, 2. Moscow: Nauka, 1986. 526, [2] + 335, [1] p. (In Arab. and Russ.)

Arslanova A. A. Nikolai Lobachevsky Scientific Library (Kazan Federal University): A Guide to Persian-Language Manuscripts. Vol. 2. Kazan: Kazan Federal University, 2015. 796 p. (In Pers. and Russ.)

Akhmadullin S. Z. Murad Ramzi as Historian of Russia's Turks. Moscow: Center for Humanities Initiatives, 2022. 220 p. (In Russ.)

Belyaev V. I. Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences): Arabic Manuscripts of the Asiatic Museum (Bukhara Collection). S. Oldenburg (ed.). Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1932. XVII, 52 p. (In Arab. and Russ.)

Bulgakov R. M. Writings of Rizaeddin bin Fakhreddin at the Archive of Ufa Scientific Center (RAS): A brief review of manuscripts and Islamic studies from the Soviet period. In: *Islamic Civilization in Volga-Ural Region. Symposium proceedings* (Ufa, 14–16 October 2008). Ufa: Institute of History, Language

- 14–16 октября 2008 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. С. 26–46.
- Булгаков 2017 — *Булгаков Р. М.* Описание списка «Джами‘ ар-румуз» Шамс ад-Дина Мухаммада ал-Кухистани // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, 01–04 июня 2017 г.). Уфа: ФГБУН ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 316–321.
- Бустанов 2019 — *Бустанов А. К.* Библиотека Зайнап Максудовой / отв. ред.: А. А. Хасавнех, Ш. Ш. Шихалиев. М.: Mardjani Foundation, 2019. 462 с.
- Галаяутдинов 2016 — *Галаяутдинов И. Г.* Восточные книжно-рукописные собрания в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН // Проблемы востоковедения. 2016. № 1(71). С. 80–86.
- Галаяутдинов, Булгаков 2009 — *Галаяутдинов И. Г., Булгаков Р. М.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Т. 1. Ч. 1. Уфа: Гилем, 2009. 456 с.
- История башкирских родов 2015 — История башкирских родов / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Шайхеев [и др.]. Т. 12. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 456 с.
- Кемпер 2008 — *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российск. исламск. ун-т, 2008. 656 с.
- Кииков 2011 — *Кииков Г.* История башкир и происхождение иректинцев / сост., вступ. ст., коммент. М. Х. Надергулов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 112 с. (На башк. яз.)
- Кииков 2019 — *Кииков Г.* Айн ар-риза (Родник хазрата, или Курдымовский родник) / авт. вступ. ст., транслит., пере., прим. и сост. Г. Х. Абдрафикова (Гарипова), С. А. Искандарова, отв. ред. М. Х. Надергулов. Уфа: Мир печати, 2019. 192 с. (На башк. яз.)
- Миклухо-Маклай 1961 — *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. Биографические сочинения / отв. ред. И. А. Орбели, В. И. Беляев. М.: ИВЛ, 1961. 167 с.
- and Literature (USC RAS), 2008. Pp. 26–46. (In Russ.)
- Bulgakov R. M. Jami ar-rumuz by Shams ad-Din Muhammad al-Kuhistani: Describing one manuscript copy. In: Development of the Humanities in Russia's Regions. Jubilee conference proceedings (Ufa, 1–4 June 2017). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2017. Pp. 316–321. (In Russ.)
- Bustanov A. K. Library of Zaynap Maksudova. A. Khasavnekh, Sh. Shikhaliev (eds.). Moscow: Märcani Foundation, 2019. 462 p. (In Russ.)
- Galyautdinov I. G. Oriental book and handwritten collections at the Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences. *The Problems of Oriental Studies*. 2016. No. 1 (71). Pp. 80–86. (In Russ.)
- Galyautdinov I. G., Bulgakov R. M. Institute of History, Language and Literature (USC RAS): A Guide to Oriental Manuscripts. Vol. 1. Pt. 1. Ufa: Gilem, 2009. 456 p. (In Russ.)
- Khamidullin S. I., Yusupov Yu. M., Shaykheev R. R. et al. History of Bashkir Clans. Vol. 12. Ufa: Ufinsky Poligrafkombinat, 2015. 456 p. (In Russ.)
- Kemper M. Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan, 1789–1889: Islamic Discourse under Russian Control. Kazan: Russian Islamic University, 2008. 656 p. (In Russ.)
- Kiikov G. Bashkir History and Origins of the Irekty. M. Nadergulov (comp., foreword, etc.). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2011. 112 p. (In Bash.)
- Kiikov G. Ayn ar-riza (The Spring of Hazrat). G. Abdrafikova (Garipova), S. Iskandarova (comp., transl. etc.); M. Nadergulov (ed.). Ufa: Mir Pechati, 2019. 192 p. (In Bash.)
- Miklouho-Maclay N. D. Institute of Asian Peoples: A Description of Tajik and Persian Manuscripts. Vol. 2: Biographic Writings. I. Orbeli, V. Belyaev (eds.). Moscow: Oriental Literature Press, 1961. 167 p. (In Taj., Pers. and Russ.)

- Персидские и таджикские рукописи 1964 — Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Ч. I / под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. 633 с.
- Сайтбатталов 2018 — *Сайтбатталов И. Р.* «Индийская» силсила шейхов из рода Кииковых и межкультурные связи башкирских интеллектуалов в XIX веке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–1(80). С. 41–44.
- Сайтбатталов 2024 — *Сайтбатталов И. Р.* Об арабографичных рукописях из Татышлинского района Республики Башкортостан // Историко-культурное наследие. 2024. Т. 14. № 4. С. 455–461.
- Салихов 2021 — *Салихов А. Г.* Арабографичные письменные памятники Федоровского района Республики Башкортостан. XIX – первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 879–890.
- Фатхи 1968 — *Фатхи А.* Описание рукописей. Рукописи татарских писателей и ученых. Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. 84 с. (На тат. яз.).
- Чукури, Басарави 2021 — *Чукури М.-А., Басарави А.* Булгарские хроники, или Приближение [‘Али] Гари / вступит. статья, транскрипция, пер. и комм. И. Р. Сайтбатталова. М.: Садра, 2021. 200 с.
- Шихалиев 2020 — *Шихалиев Ш. Ш.* Краткие сведения о контактах мусульман Дагестана и Волго-Уральского региона в XVIII–XX вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 104–128.
- Щеглова, 1 1975 — *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 1–400.
- Щеглова, 2 1975 — *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 2 ч. Ч. 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 401–791.
- Bustanov 2018 — *Bustanov A. K.* Muslim Literature in the Atheist State: Zainap Maksudova between Soviet Modernity and Tradition // Journal of Islamic Manuscripts. 2018. Vol. 9. №. 1. Pp. 1–31.
- Miklouho-Maclay N. D. (ed.) Persian and Tajik Manuscripts at the Institute of Asian Peoples (USSR Academy of Sciences): A Brief Alphabetic Catalogue. Pt. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1964. 633 p. (In Taj., Pers. and Russ.)
- Saitbattalov I. R. “Indian” silsila of sheikhs from Kiikov dynasty and intercultural relations of Bashkir intellectuals in the XIX century. *Philology. Issues of Theory and Practice*. 2018. No. 2–1 (80). Pp. 41–44. (In Russ.)
- Saitbattalov I. R. On Arabic manuscripts from the Tatyshly District of the Republic of Bashkortostan. *Historical and Cultural Heritage*. 2024. Vol. 14. No. 4. Pp. 455–461. (In Russ.)
- Salikhov A. G. Arabic script monuments of the Fedorovka District of the Republic of Bashkortostan: The 19th – first half of the 20th centuries. *Herald of an Archivist*. 2021. No. 3. Pp. 879–890. (In Russ.)
- Fatkhi A. Manuscripts of Tatar Writers and Scholars: A Guide. Kazan: Kazan State University, 1968. 84 p. (In Tat.)
- Chukuri M.-A., Basaravi A. Bulgar Chronicles, or the Approaching of [‘Ali] Gari. I. Saitbattalov (foreword, transl., etc.). Moscow: Sadra, 2021. 200 p. (In Bash. and Russ.)
- Shikhaliev Sh. Sh. Brief information on contacts between Muslims of Dagestan and the Volga-Ural Region in the XVIII–XX centuries. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 104–128. (In Russ.)
- Shcheglova O. P. Institute of Oriental Studies (Leningrad Branch, USSR Academy of Sciences): A Catalogue of Persian-Language Lithographic Books. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. Pt. 1. Pp. 1–400. (In Pers. and Russ.)
- Shcheglova O. P. Institute of Oriental Studies (Leningrad Branch, USSR Academy of Sciences): A Catalogue of Persian-Language Lithographic Books. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. Pt. 2. Pp. 401–791. (In Pers. and Russ.)
- Bustanov A. K. Muslim literature in the atheist state: Zainap Maksudova between Soviet modernity and tradition. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–31. (In Eng.)

- Bustanov, Shikhaliev 2023 — *Bustanov A., Shikhaliev Sh.* Archives of Discrimination. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2023. Vol. 15. № 1. Pp. 82–109.
- Bustanov et al. 2023 — *Bustanov A., Shikhaliev Sh., Chmilevskaia I.* Building an Archival Persona: The Transformation of Sufi Ijāza Culture in Russia, 1880s–1920s. // *Journal of Sufi Studies*. 2023. Vol. 12. № 2. Pp. 216–252.
- Chittick 2012 — *Chittick W. C.* Wahdat al-Wujud in India. *Ishraq* // *Islamic philosophy yearbook*. 2012. № 3. Pp. 29–40.
- Puppo, Schmoller 2020 — *Puppo D. L., Schmoller J.* Here or elsewhere: Sufism and traditional Islam in Russia's Volga-Ural region // *Contemporary Islam*. 2020. Vol. 14. Pp. 135–156.
- Bustanov A., Shikhaliev Sh. Archives of discrimination. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 82–109. (In Russ.)
- Bustanov A., Shikhaliev Sh., Chmilevskaia I. Building an archival persona: The transformation of Sufi Ijāza culture in Russia, 1880s–1920s. *Journal of Sufi Studies*. 2023. Vol. 12. No. 2. Pp. 216–252. (In Eng.)
- Chittick W. C. Wahdat al-Wujud in India. *Ishraq*. 2012. No 3. Pp. 29–40. (In Eng.)
- Puppo D. L., Schmoller J. Here or elsewhere: Sufism and traditional Islam in Russia's Volga-Ural region. *Contemporary Islam*. 2020. Vol. 14. Pp. 135–156. (In Eng.)

